

УДК 276

Священник Николай Солодов
старший преподаватель кафедры богословия
Московской духовной академии

Priest Nikolay Solodov
Senior Lecturer of the Department
Theology Moscow Theological Academy

**УЧЕНИК ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА ИЕРОМОНАХ
ФЕОДОСИЙ КАРУЛЬСКИЙ И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ**

**THE DISCIPLE OF THEOPHANES THE RECLUSE
HIEROMONK THEODOSIUS OF KARUL AND HIS
PEDAGOGICAL VIEWS**

Аннотация. Статья посвящена анализу педагогических принципов подвижника и наставника духовной жизни иеросхимонаха Феодосия (Харитонова) Карульского, жившего на Афоне в первой трети XX в. В ней прослеживается формирование и развитие взглядов на воспитание о. Феодосия, сложившихся под значительным влиянием свт. Феофана Затворника. Деятельность иеромонаха Феофана (таково было имя о. Феодосия до принятия схимы) вплоть до удаления на Святую Гору была связана с духовно-учебным ведомством. После окончания Казанской духовной академии он служил надзирателем Саратовской семинарии, преподавателем Таврической семинарии и директором образцовой церковно-приходской школы при ней, инспектором Вологодской семинарии. Теоретические воззрения на воспитание были сформулированы им в двух статьях, напечатанных в епархиальных ведомостях.

Результаты практической деятельности о. Феофана и оценка их современниками дошли до нас в виде отдельных высказываний в официальных документах, воспоминаниях, письмах и дневниках. Для привлечения этих данных использовались архивные материалы и публикации в дореволюционной периодике.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pedagogical principles of the ascetic and mentor of spiritual life Hieroschemonk Theodosius (Kharitonov) Karulsky, who lived on Mount Athos in the first third of the XX century. It traces the formation and development of views on the upbringing of Fr. Theodosius, formed under the significant influence of Svt. Theophan the Recluse. The activity of Hieromonk Theophan (such was the name of fr. Theodosius before the adoption of the schema), up to the removal to the Holy Mountain, was associated with the spiritual and educational department. After graduating from the Kazan Theological Academy, he served as a supervisor of the Saratov Seminary, a teacher of the Tauride Seminary and director of the model parochial school at it, an inspector of the Vologda Seminary. Theoretical views on education were formulated by him in two articles published in the diocesan gazette. The results of Fr. Feofan's practical activity and their assessment by contemporaries have come down to us in the form of separate statements in official documents, memoirs, letters and diaries. Archival materials and publications in pre-revolutionary periodicals were used to attract these data.

Ключевые слова: иеромонах Феодосий (Харитонов), Карульский, педагогика, Феофан Затворник, Вологодская семинария.

Key words: Hieromonk Theodosius (Kharitonov), Karulsky, pedagogy, Theophan the Recluse, Vologda Seminary.

Иеросхимонах Феодосий (Харитонов Василий Васильевич; 1869–1937) получил наибольшую известность как подвижник и аскетический наставник и духовник монашествующих Ка-

рули, труднодоступной горной части Афона. Его советами и руководством пользовались многие насельники афонских монастырей разных национальных традиций, а также приезжавшие паломники.

Среди многочисленных тогда обитателей Святой Горы о. Феодосий выделялся не только скромностью и особенным молитвенным настроением, но также и образованием: на фоне почти исключительно крестьянского населения русских монастырей кандидат Казанской духовной академии и преподаватель семинарии о. Феодосий был заметной величиной, как он этого ни избегал. С биографическими данными подвижника можно познакомиться в публикациях журнала «Русский паломник» [27, с. 14–24; 8, с. 80–82; 14, с. 83–94; 5, с. 21–30], в наших статьях, часть из которых будет опубликована в ближайшее время [24; 23; 20; 21; 22], а также в воспоминаниях архимандрита Серафима (Иванова) [18, с. 401–410] и статьях М. В. Шкаровского [31, с. 325–333], игумена Евфимия (Моисеева) [4] и прот. Алексия Сорокина [26, с. 68–73].

Наставничество последних лет земного пути о. Феодосия было подготовлено всей его жизненной траекторией и в том числе основательным практическим опытом в области педагогики. До отправления на Афон тогда еще иеромонах Феофан — так звали о. Феодосия в монашеском постриге — четыре года служил в Вологодской семинарии инспектором, возглавляя воспитательный процесс в многолюдной (около 500 учащихся) Вологодской семинарии в беспокойное время границы XIX–XX веков. До этого в течение практически всего 1896 года он был начальником образцовой церковно-приходской школы при семинарии в Симферополе, совмещая эту должность с преподаванием в семинарии; еще ранее с осени 1894 по конец 1896 г. он трудился надзирателем за учениками Саратовской духовной семинарии.

Теоретические представления о педагогике будущий подвижник приобрел в Казанской духовной академии, где этот предмет преподавал свящ. Александр Васильевич Смирнов,

впоследствии профессор Казанского и Санкт-Петербургского университета. Также значительное влияние можно предполагать со стороны профессора нравственного богословия Александра Ивановича Гренкова, много потрудившегося над устройением системы церковно-приходских школ в Казанской епархии. Христианские основы педагогики входили в круг интересов Александра Ивановича, его занимала идея «построения педагогики на началах христиански богословских, где последние являются не в качестве назидательных приложений или каких-нибудь размышлений в духе пиетизма, а как главные первоосновы» [3, с. 194, 193–214, 574–595, 404–435].

Поиском основ «христианской педагогики» по всей видимости вдохновлялся интерес А. И. Гренкова к творчеству свт. Феофана Затворника. Во всяком случае именно проф. Гренков сформулировал тему кандидатской работы Василия Харитоновна, которую будущий подвижник писал в последний год обучения в Казанской духовной академии: «Обзорение главных сочинений преосвященного Феофана (Тамбовского) нравственно-аскетического содержания» [30, оп. 2, д. 313]. — Это было первое академическое исследование богословия свт. Феофана [21].

Вдумчивая работа с сочинениями преосвященного Феофана, сопровождаемая личным общением со святителем по переписке, составила важнейший этап в мировоззренческом развитии о. Феодосия. Результаты этого внутреннего труда (в том числе и по вопросам воспитания) изложены в двух статьях, вышедших в 1896 г.

1. Мысли преосвященного Феофана тамбовского о христианском воспитании детей [29, с. 131–138];

2. Важное значение законоучительской деятельности священника в церковно-приходской школе [28, с. 1140–1149].

Первая из статей была подана для публикации в Саратовские епархиальные ведомости в период службы Василия Харитоновна надзирателем в Саратовской духовной семинарии. Статья подписана инициалами «Х. В.» и (менее символично)

в оглавлении «В. Х.», однако принадлежность ее Василию Харитонову не вызывает сомнений, поскольку она представляет собой отрывок из его кандидатского сочинения (стр. 118–128), фактически первый отдел второй части работы. Редактирование выразилось лишь в сокращении текста и добавлении необходимых связей. Даже не вполне удачные выражения оригинала не исправлялись. Лишь некоторые фразы добавлены для пояснения и немногие выражения исправлены.

Содержание статьи составляет обзор мыслей свт. Феофана Затворника о воспитании ребенка от первых дней его жизни, как они были высказаны в его труде «Путь ко спасению». Вслед за свт. Феофаном Василий говорит о внутреннем обновлении природы в Крещении, о том, что сила греха не истребляется вконец, а лишь вытесняется из сердца. Задача воспитателей, таким образом, состоит в сохранении и приготовлении крещеного ребенка к сознательному и свободному посвящению себя Богу. Главное средство в этом — церковность: «Церковь, церковность и таинства — как скиния для детей, под коей они должны быть неисходно, — могут заменить все средства воспитания» [29, с. 133–134].

Далее указываются некоторые особенности христианского воспитания каждого возраста. В младшем возрасте дети должны приучаться к ограничениям своего тела; по мере развития душевных способностей ограничения должны проявляться и в дисциплине душевных сил: «Здравые христианские понятия <...> будут подавлять мирское мудрование и избавлять дитя от злой и ненасытимой пытливости» [29, с. 135]. Действия воспитателя, описываемые как строгие и в основном запретительные, должны направляться «на образование в настроении совестливости и сознательности» [29, с. 136].

Особенное внимание придает Василий описанию юности, подобной «водопаду, куда каждый, ввергаясь, выходит сияющим добротою и благородством или омраченным нечестием и развратом, или же со смесью добра и зла, подобно дымящейся головне или испорченным часам», — эти образы свт. Феофа-

на, чувствуется, особенно близки автору статьи. Он указывает на опасности рассеянности, мечтательности и развлеченности в этом возрасте и на особое значение строгой дисциплины.

Обрывается статья несколько неожиданно: «Воспитание причина всему доброму и злему. Недостатки воспитания состоят: в несоблюдении по неведению или пренебрежению порядков, правил и законов его, указываемых христианством». Впрочем, мы уже видели, что сочинительство и литературная деятельность не входила в данном случае в планы В. Харитонova: статья была почти технической публикацией отрывка курсового сочинения.

Интересно проследить, как стройная и красивая теория воспитания свт. Феофана прилагалась к не очень привлекательной действительности. Как раз в это время Василий служил надзирателем Саратовской семинарии. В обязанности его красноречиво звучащей должности входил максимально строгий надзор за учащимися: днем и ночью, на занятиях и в свободные часы семинаристы были под контролем. «Суровые тогда были порядки в Саратовской семинарии: их, вероятно, и до сих пор помнят многие батюшки, окончившие Саратовскую семинарию в девяностых годах прошлого столетия» [7, с. 30], — вспоминал годы ректорства прот. Павла Извекова выпускник 1892 г. А. И. Казанский.

«Однообразные, скучные, бесплодные» надзирательские занятия тяготили Василия. Не давая внутреннего удовлетворения и не принося видимых результатов.

«...Успехи в исполнении того или другого начинания, благодарность со стороны подчиненных за оказанную любезность надмевали, заставляли предпочитать себя товарищам без всякого основания, тщеславиться пред подчиненными и взором, и словом, и делом (поблажкой и заискиванием от них похвалы). Наоборот, неудача подвергала унынию, недовольству своим положением и отчаянию в своих способностях, осуждению начальников, суровости и презрению подчиненных, и вместо прежнего легковерия по отношению к ним вселяла болезнен-

ную подозрительность» [23], — записал он 11 марта 1895 г. в своем «исповедальном» дневнике.

Однако отсутствие заметных изменений в поведении семинаристов, невозможность поколебать установившиеся отношения учащихся и учащихся не означали бессмысленность усилий В. Харитонов. Мы имеем замечательное свидетельство этому в воспоминаниях архиепископа Серафима (Лукьянова)¹, учившегося в Саратовской семинарии в период надзирательства Василия: «О. Феоdosия я знаю с юных лет. Я был семинаристом II-го класса, а он — помощником инспектора в Саратове. Мы земляки, оба саратовские крестьяне. Он и тогда был, как ангел Божий» [15, с. 8]. В 1895–1896 учебном году Александр Лукьянов действительно учился на втором курсе Саратовской семинарии, и вот через 40 лет он помнил образ надзирателя Харитонов — он был как ангел Божий! Не административные распоряжения, разрешения или запрещения остались в памяти учащихся, а личность человека, его образ как христианина продолжал действовать в душе через десятилетия.

Вторая статья этого года написана была уже после монаше-

---

¹ Архиепископ Серафим (Лукьянов Александр Иванович; 23.08.1879–1959). С 1889 по 1894 г. учился в Саратовском духовном училище, с 1894 по 1900 г. в Саратовской духовной семинарии, с 1900 по 1904 г. в Казанской духовной академии. На третьем курсе академии принял монашеский постриг. В мае 1903 г. рукоположен в иеромонахи. С 1904 г. преподаватель Уфимской семинарии, с 1906 г. ректор Таврической семинарии с возведением в сан архимандрита, с 1911 г. ректор Саратовской семинарии; в 1914 г. назначен епископом Сердобольским, викарием Финляндской епархии, в январе 1918 г. избран на кафедру Финляндского епархиального архиерея, с 1920 г. — архиепископ. В 1924 г. отправлен за штат президентом Финляндии. С 1926 г. настоятель прихода в Лондоне, викарий митрополита Евлогия. С 1927 г. проживал в Париже. В 1927–45 гг. возглавлял Западно-Европейскую епархию РПЦЗ. В 1945 г. принят в юрисдикцию Московского Патриархата. С 1946 г. митрополит, Патриарший экзарх Западной Европы. В 1949 г. уволен на покой. На некоторое время вновь перешел в РПЦЗ. В 1954 г. переехал в СССР. С 1956 г. проживал в Гербовецком монастыре в Молдавии» [9, с. 380].

ского пострига в бытность о. Феофана преподавателем Таврической семинарии и директором образцовой церковно-приходской школы при семинарии. Называется она «Важное значение законоучительской деятельности священника в церковно-приходской школе» [28, с. 1140–1149].

Как отмечает сам автор, статья была написана в ответ на жалобы на чрезмерный объем программы изучения Закона Божиего в церковно-приходских школах «и возникающими отсюда нежелательными и произвольными сокращениями в программе, а иногда, к прискорбию, и небрежностью в исполнении ее» [28, с. 1141].

Начинает о. Феофан с напоминания общего направления развития начальной школы, говорит о введении церковно-приходских школ (любимое детище К. П. Победоносцева), отданных «в непосредственное ведение духовенства», о главном предмете таких школ — Законе Божию, о том, что «все другие предметы должны быть поставлены от него в более или менее тесную зависимость» [28, с. 1147].

Как это уже указывалось в церковной периодической печати, программа церковно-приходских школ меньше по объему и легче программы земских и министерских школ. Обратное впечатление может производить лишь подробность записи этой программы.

Далее о. Феофан напоминает о важности законоучительской деятельности для священников. «Духовенство наше издавна, с принятия христианства при Св. Владимире Равноапостольном смотрело на школьное образование народа как на свою прямую обязанность. <...> Много теряет во время жатвы земледелец, не удобривший земли и не успевший вовремя посеять: столько же теряет и пастырь в духовной жатве, если золотое время школьного образования прошло без должного сеяния слова Божия на молодых восприимчивых сердцах детей» [28, с. 1142–1143].

«Самое церковное богослужение с проповедью — сильнейшее в руках пастыря средство для религиозно-нравственного

воспитания народа — окажется более благотворным, если народ школьным образованием в духе закона Божия будет подготовлен» к его пониманию. Способствует законоучительство и укреплению авторитета пастыря. Недостатки же школьного воспитания приводят к суевериям и обрядоверию, «что и служит упреком для нас со стороны сектантов» [28, с. 1142–1143].

Далее о. Феофан переходит к более конкретным указаниям по преподаванию в церковно-приходской школе. В основных принципах воспитания он снова опирается на указания «Пути ко спасению» свт. Феофана Затворника, и мы снова встречаем описание церкви как скинии для детей. Образование должно носить воспитательный, а не научный или чисто учебный характер. Иначе получается, что «при выполнении учебной программы имеют в виду главным образом приготовление старших учеников к выпускному экзамену на получение льготного по воинской повинности свидетельства², что несомненно должно отодвигать на задний план вопрос о воспитании» [28, с. 1146].

Каждый предмет школьного курса, а не только Закон Божий, должен иметь в виду кроме своего основного направления еще и воспитательные задачи. Так, на уроках русского языка «должны быть внушаемы детям» «святая любовь к своему отечеству, уважение к добрым обычаям и правилам крестьянского быта, проникнутым большею частью религиозным духом». Лишь арифметика остается свободной от служения «прямой религиозно-воспитательной цели», но и она получает рекомендации «не задаваться посторонними и лишними целями» [28, с. 1147].

В заключении о. Феофан приводит несколько выдержек из современной ему педагогической литературы. Это С. И. Миропольский [11, с. 41–42], прот. А. В. Смирнов [19], упоминается

---

² Для выпускников церковно-приходских школ имелись экзамены на получение льготы по воинской повинности. Обсуждение порядка таких экзаменов для образцовых школ при семинариях [12, с. 223–225].

Ф. Э. Рохов³. О протоиерее Александре Смирнове мы уже говорили выше, он вел у В. Харитонова педагогику и был рецензентом его кандидатской работы. Примечательно, что из брошюры о. А. Смирнова взят только один абзац из предисловия, сама статья, посвященная обсуждению педагогических систем Гюйо и Спенсера, вряд ли сильно заинтересовала о. Феофана.

В целом в этой статье мы встречаем первый опыт сравнительно самостоятельного сочинения о. Феофана (Харитонова). Наиболее живо и убедительно написаны фрагменты про важность пастырского законоучительского служения. Педагогические взгляды о. Феофана (Харитонова) развиваются в русле, заданном свт. Феофаном Затворником (прежде всего в «Пути ко спасению»). Исходя из антропологической системы свт. Феофана, хорошо усвоенной Харитоновым при написании кандидатской, получаются обоснованные ответы на практические жизненные вопросы. При этом чувствуется понимание автором проблем крестьянских детей в приходских школах — это был опытно пройденный путь.

Теоретическая же часть, общепедагогические рассуждения выглядят сухо и безжизненно — здесь о. Феофан не идет дальше воспроизведения общепринятых шаблонных подходов и цитирования общих мест и официальных разъяснений.

О педагогической практике этого периода нам ничего не известно, но можно предположить, что она не была очень интенсивной. Преподавание в семинарии и административные послушания, а также еще только начавшаяся монашеская и священническая жизнь очевидно не оставляли о. Феофану много времени для занятий с учениками.

В противоположность этому после состоявшегося вскоре (январь 1897 г.) назначения о. Феофана инспектором Вологодской семинарии практически вся его деятельность на четыре года оказалась связана с воспитательным процессом. Причем деятельность эта для молитвенного и смиренного о. Феофана

---

³ Рохов Фридрих Эберхард (1734–1805) — немецкий педагог-филантропинист.

была крайне болезненной: уже с самого начала ему приходилось терпеть «разные грубые выходки со стороны учащихся, в том числе и бросание камней в окна его квартиры» [16, л. 6], так что ректор был вынужден освободить о. Феофана от проверок студенческих общежитий и квартир [10, л. 3–3 об., 14].

Дальнейшая его инспекторская служба особенных радостей не приносила. Семинаристы продолжали пьянствовать и бесчинствовать. — Конечно, «неблагоповедение» наблюдалось у незначительной части учащихся, большинство воспитанников были добропорядочными и старательными юношами [2, оп. 1, д. 1], но, однако, часть эта не была настолько небольшой, чтобы не быть заметной. О. Феофан старался воздействовать на семинаристов смирением и наставлением, пытался заинтересовать святоотеческой литературой, подолгу беседовал с проходящими учениками. Как-то во время одной такой беседы он забыл запереть дверь преподавательской комнаты — ученики, воспользовавшись моментом, похитили и спрятали «кондуитные» книги, тетради, в которых фиксировались ученические проступки. Пришлось организовывать целое расследование по всем криминалистическим канонам для обнаружения похищенного [2, л. 274 об.].

В другой раз подвыпивший семинарист без какой-либо видимой причины набросился на дежурного помощника инспектора и стал его душить — его едва удалось спасти [2, л. 275 об.].

Особенно сильное огорчение приносило о. Феофану неблагоговение учеников на богослужении. Находились юноши, специально производившие шум в храме, чтобы показать свое недовольство действиями инспекции, некоторые умудрялись читать книги прямо на службе [17, оп. 1, д. 2773, л. 51].

Все это привело к нравственному и физическому истощению о. инспектора, и в начале 1901 г. он подает прошение об отставке, подкрепив его медицинской справкой о расстройстве здоровья [13, оп. 182, д. 322, л. 4], и в марте 1901 г. отправляется на Афон, где и прошла вся остальная его жизнь.

Итак, практическая педагогическая деятельность о. Феофана

закончилась на внешнем уровне неудачно. После мучительных опытов и разочарований, морально и физически истощенный, он покинул духовно-учебную службу. Означает ли это неправильность или непригодность для жизни того воспитательного направления, которому старался следовать о. Феофан и которое можно связать с именем Феофана Затворника?

Представляется, что такой вывод не был бы корректным. Все современники иеромонаха Феофана, свидетельствами которых мы располагаем, оценивают его деятельность положительно. Начиная от епархиального архиерея епископа Алексия (Соболева), признававшего его деятельность в семинарии «весьма полезной» [13, л. 1 об.] и ректора Вологодской семинарии протоиерея Александра Агронома, говорившего, что лишь молитвами о. Феофана сохраняется порядок в школе [20], и кончая ожесточенным критиком семинарских порядков, писателем Иларием Шадрины, в автобиографической повести «Бурса» изобразившего о. Феофана светлыми красками — в отличие от остальных членов администрации [25, с. 162–189].

Часть мемуаристов отмечают несоответствие о. Феофана инспекторской должности. Действительно, ту воспитательную программу, которую ожидало видеть от инспектора его начальство, он не выполнял. Но на этот факт можно смотреть и с другой стороны. Соответствовала ли общепринятая семинарская методика того времени, полагавшаяся почти исключительно на запретительно-надзорные мероприятия, своему назначению и смыслу? Не отсюда ли происходило и отторжение «слишком благочестивого» инспектора, который и сам смотрел на свою службу «как на крест, возложенный на него высшей церковной властью» [6, л. 273]?

***

Итак, получив основательное богословское и педагогическое образование в Казанской академии, усвоив и теоретические, и деятельные наставления святителя Феофана, что мы видим из его статей и из дневниковых записей, иеромонах Феофан был явно разочарован реальными возможностями воспитатель-

ной деятельности в семинарии. Притом что начальные шаги его в духовно-учебном ведомстве демонстрировали заметный оптимизм. Отчасти это может объясняться личными особенностями характера и темперамента о. Феофана, отчасти несоответствием реально действующей семинарской педагогики принципам христианской антропологии и аскетики, с особенной ясностью высказанных Феофаном Затворником.

Для многих тружеников духовных школ это столкновение с печальной действительностью становилось разрушительным и разрешалось либо изменой своим принципам, либо деградацией и пассивностью. Для иеромонаха Феофана оно стало испытанием, не коснувшимся главных устоев личности. Твердо принятые положения христианства и дальше руководили его на пути ко спасению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 149.

2. Воспоминания Н. А. Ильинского о Вологодской семинарии этого периода: Ильинский Н. А. Из далекого прошлого // ГАВО. Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1. В настоящее время большая часть воспоминаний представлена в продолжающейся публикации на сайте Богослов.ру.

3. Гренков А. И. Идеи и факты педагогики с точки зрения богословствующего педагога // Православный собеседник. 1888. Февраль. С. 194 (Февраль. С. 193–214. Апрель. С. 574–595. Август. С. 404–435).

4. *Евфимий (Моисеев), игум.* К истории контактов святителя Феофана Затворника с насельниками Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне // Православие в Татарстане — информационно-просветительский сайт Татарстанской митрополии. 22.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=62850 (21.12.2022).

5. *Иеросхимонах Макарий*, питомец карульских исихастов // Русский паломник. 2002. № 25. С. 21–30.

6. *Ильинский Н. А.* Из далекого прошлого // ГАВО. Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1.

7. *Казанский А. И.* К читателям // СЕВ. 1914. № 12. С. 29–35.

8. Карульские подвижники // Русский паломник. 2001. № 24. С. 80–82.

9. *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: ПСТГУ, 2007. С. 380.

10. Месячные донесения ректора семинарии за 1897 г. // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 2404. Л. 3–3 об., 14.

11. *Миропольский С. И.* Дидактические очерки: Ученик и воспитывающее обучение в народной школе. СПб., 1890. С. 41–42.

12. О порядке производства испытаний и выдачи льготных по воинской повинности свидетельств воспитанниками образцовых школ при духовных семинариях // Вологодские епархиальные ведомости. 1887. № 18. С. 223–225.

13. Об увольнении от духовно-учебной службы инспектора Вологодской духовной семинарии иеромонаха Феофана и назначении на его должность преподавателя той же семинарии священника Алексея Лебедева // РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 322. Л. 4.

14. Отец Феодосий в воспоминаниях современников // Русский паломник. 2001. № 24. С. 83–94.

15. Письмо архиеп. Серафима (Лукьянова) монаху Иувиану // Православная Русь. 2000. № 14. С. 8.

16. По отчету действительного статского советника Нечаева о ревизии Вологодской духовной семинарии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 33. Л. 6.

17. Рапорт иеромонаха Феофана. Журнал педагогических собраний правления Вологодской духовной семинарии // ГАВО Ф. 466. Оп. 1. Д. 2773. Л. 51.

18. *Серафим (Иванов), архимандрит.* Ученый отшельник. Памяти иеросхимонаха Феодосия // Б. К. Зайцев. На Афон. М., 2013. С. 401–410.

19. *Смирнов А. В., прот.* Современные идеалы воспитания. Казань, 1896.

20. *Солодов Н. В., иер.* Иеросхимонах Феодосий (Харитонов) в воспоминаниях свящ. Николая Коноплева // Богослов.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/article/6172977> (дата обращения: 06.11.2022).

21. *Солодов Н. В., иер.* Феодосий Карульский как автор первого исследования нравственного богословия святителя Феофана Затворника // Вопросы богословия. (Принято в печать).

22. *Солодов Н. В., иер.* Иеросхимонах Феодосий (Харитонов) и его обучение в духовных школах Саратовской епархии 1880-х // Труды Саратовской православной духовной семинарии (принято в печать).

23. *Солодов Н. В., иер.* «На пути в объятия Отчи» — дневник Феодосия Карульского // Богослов.ру [Электронный ресурс] URL: <https://bogoslov.ru/article/6172271> (дата обращения: 06.11.2022).

24. *Солодов Н. В., иер.* Контекст публикации дневника «На пути в объятия Отчи» // Богослов.ру [Электронный ресурс] URL: <https://bogoslov.ru/article/6172655> (дата обращения: 06.11.2022).

25. *Солодов Н. В., иер.* Повесть И. Г. Шадрина «Бурса»: источники и прототипы // Два века русской классики. 2021. № 3. С. 172–189.

26. *Сорокин А. Е., прот.* Из инспекторов в отшельники // Благовестник. 2015. № 4. С. 68–73.

27. *Старец Феодосий Карульский Святогорец* // Русский паломник. 2001. № 23. С. 14–24.

28. *Феофан, иером.* Важное значение законоучительской деятельности священника в церковно-приходской школе // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 43. С. 1140–1149.

29. *Харитонов В.* Мысли преосвященного Феофана тамбовского о христианском воспитании детей // СЕВ. 1896. № 3. С. 131–138.

30. *Харитонов В.* Обзорение главных сочинений преосвященного Феофана (Тамбовского) нравственно-аскетического

содержания. Кандидатское сочинение // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 313.

31. *Шкаровский М. В.* Карульские старцы Феодосий и Никодим // *Афонское наследие.* 2017. № 5–6. С. 325–333.